

Софья Андреевна Лотте
ПРОЛЕТАРИАТ и БУРЖУАЗИЯ
В ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1

Борьба классов. 1933, № 6. С.52-71

Веб-публикация: [Vive Liberta](http://vive-liberta.narod.ru), 2011. Дореформенная орфография оригинала сохранена, в т.ч. устаревшие топонимы; исправлены только явные опечатки. Дополнительные ссылки даны нами.

См. другие работы С.Лотте:

«Республиканское сословие»: из истории французского предпролетариата XVIII в. / Французский ежегодник 1960

http://vive-liberta.narod.ru/journal/lotte_fe-60.pdf

«Дело Ревельона» / Французский ежегодник 1958

http://vive-liberta.narod.ru/journal/lotte_rev.pdf

Великая французская революция (М.: гос. социально-экономическое изд-во. 1933)

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p91883153.htm>

и работы других авторов по теме:

С.Сытин. Рабочие организации во Франции накануне революции конца XVIII в.: историографический обзор / Французский ежегодник 1974

http://vive-liberta.narod.ru/journal/syтин_fe-74.pdf

Е.Тарле. Крестьяне и рабочие во Франции в эпоху Великой революции

http://narod.ru/disk/11359198000/tarle_lab.pdf.html

П.Фроман. Рабочее восстание в Лионе / перевод с франц. и вступит. статья А.И.Молока

http://narod.ru/disk/11658254000/lyon_from.pdf.html

К.Раткевич. Французские рабочие в годы Великой революции

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/ratk_lab.pdf

Ю.Кучинский. Условия труда во Франции с 1700 по 1948 гг.

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p79346554.htm>

Е.Кожокин. Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до 1848 г.

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p57335227.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p57829096.htm>

Е.Кожокин. Французская буржуазия на исходе Старого порядка

<http://vive-liberta.narod.ru/journal/kozhoкин.pdf>

Е.Кожокин. История бедного капитализма. Франция XVIII - перв.пол. XIX в.

<http://narod.ru/disk/20002006000/kozhoкин.pdf.html>

Особая в ряду ранних революционных движений поучительность Великой французской революцией состоит в том, что в ходе ее впервые в истории «низшие» слои общества «на миг» пришли к власти. Вот почему Маркс говорит о «мимолетной... победе пролетариата», Энгельс — «о господстве неимущих масс», Ленин — о «краткосрочной диктатуре трудящихся», «диктатуре общественных низов пролетариата и мелкой буржуазии».

Маркс, изучая Великую революцию, извлекая революционный опыт из ее наиболее «героического периода, никогда не упускал случая подчеркнуть, что многое из того, что было революционно на заре капитализма в эпоху борьбы с феодализмом, стало реакционным в эпоху зрелости капитализма, в эпоху борьбы пролетариата с капитализмом за социализм. Это же всегда подчеркивал и Ленин.

«Национальные» традиции 1792 г. останутся, может быть, навсегда образцом известных революционных приемов борьбы, но это не мешало Марксу в 1870 г. в знаменитом «Адресе» Интернационала предупредить французский пролетариат против ошибочного перенесения этих традиций в условия иной эпохи» (Ленин).

Когда в недрах феодализма вызревает капитализм в своей первой мануфактурной стадии, тогда на смену раздробленной сословно-феодальной монархии выступает феодальная абсолютистская монархия. «Объявляя народ своей частной собственностью, король выражает лишь ту мысль, что частный собственник есть король» (Маркс). Но в генезисе капитализма наступает момент, когда феодальный абсолютистский король становится помехой для капиталистических королей.

Крепнущие мануфактуры, усиливающаяся внешняя торговля, лихорадка строительства городов, проникновение в деревню капитализма через развитие товарно-денежных отношений — все это стояло в решительном противоречии с сохранением феодальной зависимости в деревне, цехов в городах, с бесчисленными внутренними пошлинами, препятствовавшими товарообращению.

Крестьянство, составлявшее 90 с лишним проц. населения страны, изнывало под игом феодальной зависимости, страдало от малоземелья (в некоторых местах оно осваивало не больше 20 проц. наличной земли), впадало в крайнее нищенство (перед революцией Франция насчитывала 11 млн. остро нуждающихся в помощи).

«Будь крестьянин из стали, а феодалы из соломы – все равно в их тяжбе победит феодал». Этой пословицей народная мудрость оплакивала крестьянскую неволю, помещичий произвол. В силу проникавшего в деревню капитализма происходило расслоение крестьянства под единой феодальной оболочкой. В некоторых районах (например, Бретани) число поденщиков и батраков, работавших у кулаков, на немногих капиталистических фермах и у помещиков, доходило до 45 проц. Кроме того, крестьянство втягивалось в работу капиталистической мануфактуры, оставаясь по видимости самостоятельным на клочке «своей», но принадлежавшей помещику, земли, а фактически превращаясь в «осложненного рабочего».

Капиталистическая промышленность бежала от цехов в деревни и превращала нуждающихся крестьян в работников «рассеянной» мануфактуры. На небольшую централизованную мастерскую, находившуюся в городе, работали армии деревенских работников. 25 предпринимателей Седана занимают свыше 10.000 крестьян окружающих деревень и просят в 1744 г. правительство, чтобы оно прекратило мобилизацию «рабочих окружающих деревень» на укрепительные работы в город. Крестьянство страдало под двойным гнетом феодализма и капитализма. Оно жаждало превратить землю, которую оно веками обрабатывало, но которая принадлежала помещику, в свою собственность; расширяться за счет часто, втуне лежавшей господской земли; избавиться от господских голубей, имевших привилегию уничтожать урожай крестьянских полей; получить право бесплатно зажигать огонь в избе, иметь возможность выходить на рынок по своему усмотрению, а не тогда, когда это заблагорассудится разрешить барину, после того как на крестьянских лошадях будет отвезен на рынок господский урожай.

Феодальная зависимость влияла на расслоение деревни, замедляя его. Между тем это расслоение необходимо капитализму, ибо оно является не только залогом создания «резервной армии труда», но и необходимейшим условием создания внутреннего рынка, без которого капитализм развиваться не может. Основным вопросом революции будет вопрос аграрный, и «крестьянство поставит армии для битв» (Энгельс).

Рабочий класс только еще формировался, вербуясь из недр мелкой буржуазии города и деревни. Одним из больших отрядов концентрированных рабочих были рабочие-строители. Париж, Лион, все крупные города переживали перед революцией настоящий строительный пафос. В течение 30 предреволюционных лет Париж заново отстроился на одну треть. Парижские рабочие-

каменщики зарабатывали в среднем 18 су в день, а 5-фунтовый хлеб в феврале 1789 г. стоил 15 су, фунт хорошего мяса – свыше 17 су.

В централизованных мастерских рассеянных мануфактур и в централизованных машу фактурах рабочие жили на казарменном положении. Заработанные гроши еще задерживались, и не одиноки были рабочие мануфактуры Бовэ, не получавшие однажды в течение 20 недель заработной платы. Но «пролетариат рождается с криком протеста на устах». И в течение всего мануфактурного периода Франция периодически сталкивалась с рабочим движением.

Городом наиболее обнаженных противоречий был Лион. Восставая к 1572 г. против хозяев, лионские типографские подмастерья заявляют, что «они ежедневно доставляют хозяевам большие богатства ценой своего пота... и даже чаще – своей крови». Они сообщают, что бодрствуют с 2 часов ночи до 8-9 вечера, что, за вычетом времени на обед, рабочий день составляет 15-16 часов.

В ответ на подробный мемуар рабочих хозяева ограничиваются кратким указанием, что «большинство (!) рабочих покорно», а непокорных надо «арестовать... нескольких пристрастных и доносчиков, ведущих всех на поводу»...

К этому времени лионские типографы имели уже опыт большой, удачно проведенной стачки 1539–1541 гг.

Цехи костенели. Подмастерье превращался в пожизненного подмастерья, т.е. фактически в наемного рабочего. Небольшая часть мастеров выбивалась в «люди», в предприниматели, низводя остающуюся часть мастеров на положение «осложненных рабочих».

Любопытна в этом отношении грандиозная стачка, граничившая с восстанием, лионских шелкоткачей 1744 г., в которой видную роль играли также «мастера-рабочие», попавшие в полную зависимость от «мастеров-купцов».

Рабочий класс, только еще формирующийся, не будучи еще классом для себя, страдая в этот период не столько от капитализма, сколько от недостаточного развития капитализма, не позволявшего ему спланиваться, от полного бесправия и был поэтому в высшей степени и притом активно заинтересован в революции.

«Революция 1789 г. во Франции, 1848 г. в Германии и других странах была буржуазией революцией, потому что освобождение страны от абсолютизма и от помещичьих крепостнических привилегий давало на деле свободу развития капитала. Но, само

собой разумеется, такая революция самым настоящим образом требовалась интересами рабочего класса. И даже «беспартийные», неорганизованные в класс, рабочие 1789 г. и 1848 г. были передовыми борцами французской и немецкой революций» (Ленин).

В XVII и XVIII вв. происходит не только все больший охват мелкого производства «рассеянной» мануфактурой, но и вырастают крупные централизованные мануфактуры. В Лиможе централизованная мануфактура насчитывает 1.800 рабочих, в Пью в одном предприятии работает 1.500 чел. С конца XVI в. в торгово-промышленных городах создаются торговые палаты, эти центры объединения капиталистической деятельности. Пухнут торговые книги, «эти вывески собственности» (Маркс).

В 80-х годах XVIII в. Франция – в голодных бунтах деревни, в растерянном мотовстве «обезумевшего» двора; Франция дерзких философских салонов и тайных рабочих коалиций; Франция абсолютистского короля и Франция капиталистических королей стояла на пороге схватки. Надвигался кризисный 1789 год.

«...Роль освободителя в драматическом движении переходит последовательно к различным классам французского народа...» (Маркс и Энгельс, т. I, стр. 411).

«Великая французская революция была революцией, происходившей в эпоху мануфактурного периода капитализма» (Сталин). Капитализм далеко еще не достиг своего полного господства. Рабочий класс еще только складывался. Не было еще ни объективного, ни субъективного фактора для перерастания в революцию пролетарскую, когда по условиям исторического развития революция могла быть и должна была остаться только буржуазной революцией. Но сама буржуазия не могла радикально завершить революцию. Это могли сделать только народные массы, ибо «буржуазная революция не может сплотить вокруг буржуазии на сколько-нибудь длительный период миллионы трудящихся и эксплуатируемых масс именно потому, что они являются трудящимися и эксплуатируемыми» (Сталин).

Чем больше развязывается революционная энергия масс, тем больше буржуазия отталкивается от революции, Пока на краткий миг не наступает эпоха диктатуры «общественных низов, мелкой буржуазии и пролетариата» (Ленин). Только такая диктатура «низов» могла «железной метлой вымести весь сор старого здания, с чем буржуазия с ее тревожной осмотрительностью не справилась бы в течение веков» (Маркс).

1789–1794 годы – таковы хронологические рамки той шкалы, по которой подымался вверх барометр Великой революции. Этот

период имел свои сечения прилива и отлива, но средняя кривая шла неуклонно вверх.

2

5–6 октября 1789 г. женщины парижских предместий осаждали Версаль. «Поменьше речей, побольше хлеба» – с таким мало конституционным возгласом улица, народ вторгся в святая святых, в Учредительное собрание. Эти же самые женщины принуждают короля утвердить принятую Национальным собранием «Декларацию прав» и некоторые параграфы конституции. А 6 октября парижский парод перевез короля «к себе» в Париж. Отныне король – пленник народа. Отныне « все верховные собрания революционной Франции будут восседать под непосредственным воздействием парижских масс. А стены, отделяющие парламент от улицы, во времена революции колеблются, как домики во время землетрясения.

Переломным годом был 1791 год.

1791 год ознаменован законом Ле-Шапелье, запретившим рабочие организации и квалифицированным Марксом как «буржуазный государственный переворот»^{*}. Этим Маркс фиксирует наше внимание на том, что буржуазия, придавив феодализм, но не имея решимости круто расправиться с ним, достаточно решительно расправляется с рабочим классом и начинает свое утверждение с установления вполне «свободных» отношений между трудом и капиталом. Вся меткость марксова определения ясна при беглом взгляде на перипетии рабочего движения и рабочего законодательства в 1790 и 1791 гг.

Благотворительные мастерские были ненавистны буржуазии и в силу того, что они концентрировали рабочих, и в силу того, что при начавшемся в 1790 г. оживлении промышленной деятельности они понижали резервную армию труда. Вождь жирондистов Бриссо называл рабочих благотворительных мастерских «дикой ордой, стоящей у ворот цивилизованного города». Осенью 1789 г. центральные мастерские были разбиты на ряд районных мастерских, а 31 августа 1790 г. был издан декрет, чрезвычайно интересный тем, что он откровенно предписывал устанавливать заработную плату в мастерских всегда ниже средней цены труда в данной местности.

* См., напр., в книге Адриана Лассера: http://vive-liberta.narod.ru/revol_fem/lasser_1.htm

** Доклад Ле Шапелье и декрет относительно собраний рабочих и ремесленников одного и того же состояния и одной и той же профессии. Скачать: http://vive-liberta.narod.ru/doc/lechapelier_loi.pdf

Весной 1791 г. бастовали рабочие ряда профессий: плотники, столяры, портные, сапожники, кузнечные подмастерья и т.д. Хозяева кузниц, подавшие петицию в Национальное собрание, говорят о коалиции в 80 тыс. Хотя эта цифра была преувеличена в целях устрашения членов Национального собрания и быстрой победы предпринимательской «справедливости», но несомненно плотники подмастерья, наиболее активно бастовавшие, не были одиноки.

Рабочие кузниц обращаются в июне 1791 т. к мэру, прося его быть посредником в их делах. Они жалуются на низкую зарплату, на невыносимо длительный рабочий день: от 4 часов утра до 7 часов вечера. Кузнечные подмастерья просят начала рабочего дня с 5 часов утра и повышения зарплаты. В ответ на их петицию хозяева кузниц обращаются к муниципалитету с высокоавторитетным разъяснением, что «разврат и распутство в этой профессии, как и во всех других», разрушают здоровье рабочих «больше, чем работа». Хозяева жалуются, что рабочие организовали коалицию, «которая является настоящей инквизицией» и во всяком случае должна быть запрещена в «момент всеобщей свободы». Балли, мэр коммуны, по приказанию которого через месяц был расстрелян народ на Марсовом поле, ответил рабочим, что он не имеет права влезать в карман предпринимателей.

Рабочие-плотники, организовавшись, заседают, выработывают петицию, требуют установления минимума дневной зарплаты в 50 су. Хозяева декларируют, что «рабочие не должны быть рабами», но «закон и общественная сила должны быть употреблены, чтобы привести их к исполнению обязанностей». Они восхваляют свободную конкуренцию как регулятор взаимоотношений между предпринимателями и рабочими. Рабочие понимают свободу иначе — как право борьбы за улучшение своего положения. 2 июня 1791 г. бастовавшие рабочие-плотники заявляют, что предпринимателям легче собираться; 5-6 человек, собравшись за чашкой чая, способны определить голодный минимум рабочих. Рабочие заявляют, что без организации они ничего не могут поделать с «этими мошенниками».

14 июня 1791 г. был принят закон Ле-Шапелье. В том же духе «буржуазного государственного переворота» был издан закон о лишении пассивных граждан права ношения оружия (апрель 1791 г.) и закон, запрещавший подачу коллективных петиций (10 мая 1791 г.).

16 июня были распущены благотворительные мастерские. 21

июня бежал король^{***}. «Да здравствует король» — провозгласила буржуазия и, не надолго отрешив его от исполнения обязанностей, вновь преклонила свои колени перед ним — живым утверждением того, что боги создаются людьми. Иначе думал народ. Организованный своим действительно народным клубом кордильеров, народ пошел на Марсово поле демонстрировать свою волю к завоеванию республики, пошел под пули «нечаянного героя многих громких дел», «красного маркиза» Лафайета, начальника национальной гвардии, стрелявшего по приказу старика-ученого Балли, буржуазного мэра буржуазной коммуны. Якобинский клуб остался в стороне. После Марсового поля фельяне, составлявшие фракцию верхов буржуазии, стали внутренними эмигрантами, а вскоре и внешними^{****}. Фельяне вышли из якобинского клуба, но в его составе наряду с собственно якобинцами остались еще жирондисты^{*****}, представители последней наиболее прогрессивной фракции буржуазии.

Но и жирондисты, наиболее прогрессивная фракция буржуазии, не могли разрешить аграрного вопроса. Они боялись покушения на собственность, они, с другой стороны, стали сами токзподами распродававшейся национальной земли. Например в 78 приходах Нижнего Лимузина от 1789 до 1791 г. буржуазия приобрела 69,3 проц. всех проданных земель, крестьяне — около 15 проц., поденщики — около 8 проц. В Версальском округе буржуазия приобрела 6/7 земли, а крестьяне — 1/7.

В своих руках буржуазия теперь держала аристократические привилегии.

Жирондисты также не были способны на решительные действия против монарха, без чего нельзя было наладить революционную оборону, нельзя было ускорить ход революции.

Будучи наиболее радикальной фракцией буржуазии, жирондисты показывают меру сил, на которую способна буржуазия в революции.

4 августа 1792 г., т.е. за 6 дней до революции, ниспровергшей короля, вождь жирондистов Верньо предложил «отвергнуть и признать неконституционными все резолюции и петиции,

*** См. подборку документов «Вареннский кризис»: http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_var91.pdf

**** Современная форма - «фейяны», возможно также «фельяны». См. о них, напр., работы А.Тырсенко: <http://vive-liberta.narod.ru/biblio/tyrs.htm>

***** Жирондисты - некорректный, но устоявшийся в литературе термин. Все материалы о жирондистах: http://vive-liberta.narod.ru/discuss/girond_ind.htm

клонящиеся к низвержению короля», и после этого «те, на ком лежало спасение отечества, удвоили свое рвение» (Шометт).

И поэтому, когда «рука невидимой и презируемой добродетели метнула молнию в королевский дворец», Жиронде, в лице одного из ее вождей Верньо, осталось «лишь скорбным тоном» (Шометт) прочесть декреты об отстранении короля, о выборе Конвента на основе всеобщего избирательного права и т.д., декреты, продиктованные народом при свете еще не затихшего пожара Тюильрийского дворца^{*****}.

3

Вопрос об утверждении собственности буржуазной против собственности феодальной был актуальным вопросом Французской революции, но буржуазия сама его разрешить не могла.

«... Буржуазии выгодно опираться на некоторые остатки старины против пролетариата, например, на монархию, на постоянную армию и т.п. Буржуазии выгодно, чтобы буржуазная революция не смела слишком решительно вое остатки старины, а оставила некоторые из них, т.е. чтобы эта революция не была вполне последовательна, не дошла до конца, не была решительная и беспощадная» (Ленин).

Вождь крупной буржуазии первого периода Мирабо говорил: «Я знаю только три способа существования в обществе: надо быть нищим, вором или наемным работником. Собственник сам является только первым из наемных работников. То, что мы обычно называли его собственностью, является не чем иным, как ценой, которую ему платит общество за распределение, которое ему поручено производить среди других индивидов своим исполнением и своими расходами; собственники являются агентами, экономами социального организма».

Борьба разгорается, на сцену активно выступает «партия» парижских рабочих масс, «бешеные». Когда не без колебания мелкая буржуазия соединяется с рабоче-ремесленной массой, тогда ее борьба с Жирондой переходит в борьбу левого блока с Жирондой. Революция переходит на новую, высшую ступень.

***** Пьер Виктюрен ВЕРНЬО: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#vrn>

Пьер Гаспар (Анаксагор) ШОМЕТТ: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#chm>

С.Лотте использует мемуары Шометта; на русский язык была переведена только их часть, относящаяся к событиям июня 1792 года: http://vive-liberta.narod.ru/biblio/hebertistes_mslavin.htm#chaumette

Документы о событиях 10 августа 1792 года и предшествовавших: http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_92_2.htm

Марат писал 25 августа 1793 г.: «...Законодательные меры совершенно бесполезны. Мы никогда не видали, чтобы они приводили к результатам. Помощь дадут только революционные средства... Еще немного терпенья, и поймет, наконец, народ ту истину, что только сам он может освободить себя».

Контрреволюционный лионский памфлетист писал во время лионской контрреволюции в июле 1793 года: «Их отвратительная фракция (речь идет о клубах)... изгоняет из Франции всякий внутренний мир, распространяя наиболее горькую неблагонадежность вокруг священного имени собственности, вооружая неимущего против богатого... Обычные наименования аристократа и патриота были заменены более выразительными наименованиями санкюлотов и собственников».

Это определение хорошо выражает происшедший сдвиг.

Буржуа могли быть патриотами и бороться против аристократов, но буржуа никак не могли быть санкюлотами и ни в коей мере не могли бороться против собственников. Центр руководства резко переместился. Власть перешла в руки «общественных низов — пролетариата и мелкой буржуазии» (Ленин). Маркс писал, что «против буржуазии» выступали «пролетариат и не принадлежавшие к буржуазии слои городского населения», которые «либо не имели еще никаких отдельных от буржуазии интересов, либо еще не составляли самостоятельного, развитого класса или части класса».

Второе «либо» относится к рабочему классу и угадывает на то, что рабочий класс еще не был классом для себя. Первое «либо» относится к мелкой буржуазии. Жирондисты, мелкобуржуазные робеспьеристы и «левые» с «бешеными» по-разному относились к частной собственности и к соотношению социально-экономического и политического равенства. Жирондисты четко ставили вопрос об исключительности равенства перед законом.

Во время лионского восстания жирондист (деятель лионской контрреволюции) Жильбер, описывая в газете аллегорический памятник, посвященный равенству, восторженно пояснял: «Равенство... размещает всех французов на том же уровне перед законом, чтобы выразить, что они равны только перед ним». Тот же автор заявлял, что «без уважения к собственности (автор, разумеется, подразумевал крупную собственность — С.Л.) нет ни республики, ни вообще какого-либо правительства».

Но революционная мелкая буржуазия иначе смотрела на вопрос собственности. «Равенство, — говорил Сен-Жюст, — состоит не в том, чтобы все были высокомерны, оно состоит в том, чтобы все были скромны».

Робеспьеристы – вожди революционной мелкой буржуазии – стояли за мелкую частную собственность. «Робеспьер в великой нищете и огромных богатствах видел лишь препятствие для чистой демократии» (Маркс).

Не добиться общего равенства, а выравнять слишком большое неравенство, угрожающее демократии, – такова была программа якобинцев. Демократия лучше всего может быть сохранена в замкнутом государстве, в котором основную роль играют мелкие свободные товаропроизводители, – такова была теза, завещанная якобинцам их идеологом Руссо. Якобинцы в революции хотели обновить мир евангелием Руссо^{*****}. Путем вантозовских декретов (вантозовские декреты – законы о конфискации имущества врагов революции и разделе его среди неимущих граждан^{*****}) они хотели создать слой мелких собственников, который был бы целиком обязан революции, но вместе с тем они отнюдь не собирались подавить свободу оборота, а следовательно капитализма. Свобода оборота, с одной стороны, ограничение капиталовложения – с другой, – такова противоречивая экономическая программа, которая легла в основу стремления к «чистой демократии». Они не понимали ни обреченности своего идеала, ни его плодотворности для развития капитализма. Но субъективная трагедия якобинцев стала объективным триумфом истории. Вера в возможность общества, хребтом которого были бы мелкие собственники, дала якобинцам силу для расправы со старым обществом. Стремление к недопущению слишком большого неравенства состояний дало им возможность отнюдь не церемониться с собственностью, когда этого требовали интересы революции. Стремление к идеалу чистой демократии дало им силу расправы с контрреволюцией.

Утопическая идеология эгалитаризма не может конкретизироваться в реальной жизни. Но – такова диалектика истории – идеология эгалитаризма в борьбе с феодализмом является революционной именно потому, что она осуществляет не то, чего хотели ее сторонники, ибо она идет не против развития капитализма, а, наоборот, является ускорителем процесса капиталистического развития.

***** См., напр., Т.Занадворова. Ж.-Ж.Руссо и «сентиментальные революционеры»: http://vive-liberta.narod.ru/journal/zanadvor_rss.pdf; А.Собуль. Руссо и якобинизм: http://vive-liberta.narod.ru/journal/soboul_rss.pdf

***** См., напр., Н.Чупрун. Сен-Жюст и вантозские декреты: http://vive-liberta.narod.ru/fantasm/SJ/sj_ind.htm#chup

Указание Маркса, что мелкая буржуазия «еще не имеет отдельных от буржуазии интересов», означает, во-первых, что в отличие от пролетариата, который может и станет классом для себя, мелкая буржуазия классом для себя стать не может, и, во-вторых, что мелкая буржуазия только под гегемонией пролетариата может со всей силой выявить «отдельные от буржуазии интересы». Следовательно Маркс здесь во всю ширь выдвигает проблему союзников, которая всегда была и остается одной из важнейших проблем большевизма.

Если жирондисты стремились только к политическому равенству, если якобинцы стремились к чистой демократии как к цели и во имя этого к экономическому уравниванию, то группы, стоявшие левее якобинцев, стремились к экономическому уравниванию как к цели, а к политическому как к средству.

В эпоху Великой французской революции сам пролетариат еще находился в плену у мелкобуржуазной идеологии, хотя и выдвигал уже свои отдельные конкретные требования, которыми он демонстрировал свое выступление на арену истории. Эти требования идеологически сколько-нибудь четко не отграничены от мелкой буржуазии, и именно этим обменяется, что в великий «эбертистский день» – 5 сентября^{*****}, когда были сделаны заключительные выводы из революции 31 мая – 2 июня, мелкобуржуазная Гора смогла воспринять их, и тем самым открыть новую, величественную страницу революции. Но вместе с тем пролетариат в практике революционных лет рождает зародыши своей коммунистической идеи.

Организовавшийся в конце 1790 г. социальный кружок^{*****}, или «Всеобщая конфедерация друзей правды», вождем которого был аббат Фоше, а одним из членов – Кондорсе, ставил своей целью организацию «Союза всех народов и всех индивидов, которые живут на земле, в единую семью братьев, связанных стремлением всякого ко всеобщему благу». Союз был не политической организацией, а лишь идейным течением, имевшим

***** «Эбертисты» - также некорректный, но устоявшийся в литературе термин, используемый для обозначения социально-политического движения мелкой городской буржуазии, более радикального, чем монтаньяры в целом и якобинцы-робеспьеристы в частности; от имени Жака-Рене Эбера. См., напр., М.Славин. Эбертисты под ножом гильотины / перевод с англ. А.Панцова: http://vive-liberta.narod.ru/biblio/hebertistes_mslavin.htm

***** См., напр., В.Алексеев-Попов. «Социальный кружок» и его политические и социальные требования (1790-1791 гг.): http://vive-liberta.narod.ru/journal/cercle-social_alx-popov.pdf

программу умеренно уравнилельного характера. Вожди кружка наравне с призывом к всеобщей любви довольно явственно выставляли идеи аграрного закона. И параллельно с ученой аудиторией, собиравшейся на проповеди и доклады аббата Фоше, к нему шли многочисленные письма бедных, затерянных сельских священников, нередко являвшихся стихийными выразителями чаяний деревенской бедноты. Так с самого начала наметились два ответвления, две тенденции объективной реализации пропаганды социального кружка: одна шла по линии аграрного закона, т.е. крайних уравнилельных выводов, другая — по линии пропаганды всеобщей любви как пути к всеобщему благу. Одна тенденция вела к гражданской войне, другая — к гражданскому миру. Но гражданский мир в эпоху развертывания буржуазной революции может означать лишь мир с классами реакционными, войну с народом. Аббат Фоше впоследствии был казнен как жирондист.

Ставя в начале пути революционного движения социальный кружок, а в заключение — Бабефа, Маркс тем самым подчеркивает роль требований крайнего уравнилельства в ранних движениях пролетариата¹.

Если социальный кружок способствовал пропаганде «грубого уравнилельства», то «бешеные» (Жак Ру, Леклерк)^{*****}, на которых Маркс также указывает как на предшественников Бабефа, своей деятельностью сыграли важнейшую роль в смысле фактического выдвижения самой проблемы рабочего класса. Если аграрный закон черпал силы из наименее еще подготовленных к борьбе груши распада — деревенской бедноты, то вождь «бешеных», Жак Ру, неустанно повсюду выдвигал первенствующую революционную роль рабочего класса. Интересно, что идеи аграрного закона, т.е. крайнего «грубого уравнилельства», находили иной раз сочувствие и в городах, а именно там, где пользовались

1 «Первые попытки пролетариата доставить непосредственное торжество своим классовым интересам во время всеобщего возбуждения умов, в период низвержения феодального строя, необходимо должны были разбиться вследствие неразвитого состояния самого пролетариата и недостатка материальных условий его освобождения, которые сам» являются продуктом лишь буржуазной эпохи. Революционная литература, сопутствовавшая этим первым движениям пролетариата, по своему идейному содержанию необходимо является реакционной. Она проповедует всеобщий аскетизм и грубую уравнилельность» («Коммунистический манифест»).

***** См., напр., Я.Захер. «Бешеные», их деятельность и историческое значение: http://vive-liberta.narod.ru/journal/zakher_enrages.pdf и др. работы.

влиянием левые — «бешеные и эбертисты». Нельзя также не отметить, что идея «грубого уравнилельства» в этих случаях иной раз соприкасалась с робким, но гениальным прозрением будущей роли рабочего класса как хозяина общественного производства. Бабувизму, предшественниками которого на пути революционного движения Маркс называет социальный кружок и «бешеных», было свойственно еще и «грубое уравнилельство», пропагандировавшееся в виде аграрного закона социальным кружком, и вместе с тем понимание роли рабочего класса как основной и самой ценной пружины революционного развития, намеченное «бешеными».

Аграрный закон, не являясь программой какой-либо оформленной политической группы, тем не менее жил в сознании деревенской бедноты и имел на местах своих апостолов.

Одним из них был священнослужитель коммуны Эпиной дистрикта Сен-Аманд, департамента Шер, 52-летний, но очень подвижной и темпераментный священник Пти-Жан. Пти-Жан сжился со своими прихожанами, большей частью бедняками, ненависть которых он направлял на эксплуатировавших их господ Дебюз, Клеймон и Борзенрандфон, сумевших стать во главе Коммуны. Согласно протоколу Генерального совета коммуны Эпиной Пти-Жан «ежедневно говорил им (крестьянам), что блага должны быть общими. Он старался убедить их наиболее инсинуаторскими предложениями, говоря о том, что будет только один погреб и только одна житница, где всякий возьмет все то, что ему будет необходимо». Таким образом отпадает нужда в деньгах^{*****}.

1 сентября 1792 г. Пти-Жан возвестил о себе дистрикту, департаменту и самому Законодательному собранию приглашением «граждан последовать его советам, свободно отказаться от прав на все свои имущества и согласиться на общий раздел всех их благ». Интересно, что тогда же, т.е. непосредственно вслед за революцией 10 августа, бывшей победой тех, «кого кружевные аристократы прозвали санкюлотами и которые с гордостью носили свой новый титул» (Шометт), священник заявил, что дома богачей «раньше месяца будут разрушены» и что вообще вскоре «потечет много крови».

О том же характере речей Пти-Жана говорит доклад начальника национальной гвардии: «Пти-Жан держал речи наиболее

***** Об уравнилельстве и др. см., напр., А.Иоаннисян. Коммунистические идеи в годы Великой французской революции: http://enlightment2005.narod.ru/arc/comm_ioan-1.pdf

неконституционные, проповедуя по своему обыкновению аграрный закон». Недовольный повидимому мягкостью формулировок предыдущего оратора, представитель дистрикта добавляет: «Казалось... что он сделался сумасшедшим, опасным сумасшедшим, который сеял раз'единение и несогласие в недра своего прихода, проповедуя насилие над собственностью и угрожая нанести удар личной безопасности». Но мятежный священник не унимался. Будучи в числе выборщиков в Конвент и оставшись недовольным умеренностью избранных, он, вернувшись в Эпиной, повел кампанию против мэра в своих своеобразных «стенновках», т.е. попросту надписями на стенах домов. Скоро изнемогавшим в «неравной» борьбе властям предстояли новые потрясения.

В воскресенье 23 сентября Пти-Жан после мессы собрал крестьян и предложил им петицию, требовавшего от Генерального совета коммуны непрерывности и публичности заседаний в часы, когда граждане свободны от работы, а также собрания всего прихода в ближайшее воскресенье — 30 сентября. Во время обсуждения петиции ворвались ненавистные Пти-Жану мэр и богач Клермон в сопровождении пяти национальных гвардейцев. В погоне за убегающим священником сын богача Дебиз ранил его. Наспех вооружившиеся крестьяне напали на растерявшихся гвардейцев, разгромили дом Дебиза, направились во главе с Пти-Жаном к мэру и неплохо оттузили его. Разделавшись с этим «аристократом» и «животным», священник приступил к претворению в жизнь давно взлелеянной мечты: крестьянскую бедноту своего прихода повел он к землям богача Клермона, землям, издавна составлявшим зависть крестьян; повел их для того, чтобы совершить символический акт уничтожения изгородей. И так как в это время стало известно, что из дистрикта идет вооруженная сила, то по распоряжению Пти-Жана над Эпиноем разнесся протяжный гул церковного колокола. Коммуна Эпиной была малонаселенной и отрезанной от других коммун. В вооруженной схватке один гвардеец был ранен и один крестьянин убит. Арестованными, кроме Пти-Жана, в качестве главных зачинщиков оказались слуха Пти-Жана, мясник, два крестьянина и один бродяга, часто застревавший в Эпиное.

Другим пропагандистом аграрного закона был санкюлот коммуны Левиньен, сапожник Ренье, который зимой 1793—94 г. проповедывал равный раздел земли между всеми. Он предупреждал: своих сограждан о ненужности покупки земель из национального фонда, так как «вскоре всякий будет иметь свою часть». Будучи сторонником пятидневной работы, он приглашал с. - х. рабочих бросать работу дважды в декаду. Он пользовался

большим влиянием среди рабочих своей округи. Такую же примерно роль играли два «негодяя-крестьянина» коммуны Гоголэн, арестованные в 1795 г. как сторонники дотермидоровской анархической системы. Они объединяли бедных и говорили, что «богатые не хотят настоящего равенства».

Ограничиваясь этими примерами, нельзя не указать на крайнюю бедность и неразработанность этого вопроса в литературе. Провинциальные архивы несомненно хранят огромные богатства для специального исследования на эту тему.

Лионские якобинцы заходили очень далеко в своем требовании равенства, обгоняя робеспьеристов и сильно приближаясь к постановке вопроса о фактическом равенстве левых. Лионские якобинцы считали, что «должен быть фиксирован максимум земли» и что «кусочек земли должен быть дан каждому санкюлоту».

Но наряду с этим они в декабре 1793 г. письмом в редакцию газеты «Освобожденный город» требовали «закона, который фиксировал бы максимум индивидуальных состояний». Лионские якобинцы считали, что «республика должна быть ульем пчелок; мы все будем работать, мы устраним трутней, которые захотят, не работая, пользоваться трудом наших работ. Если бы какой-нибудь индивид вздумал бы захотеть перешагнуть уровень равенства, его постигла бы судьба Икара». Любопытно отметить, что стремление, в частности Лионского клуба, к фактическому равенству незаметными нитями было связано с предвидением обобществления производства *****.

27 октября представитель Конвента в «Освобожденном городе» обещает организацию национальных мастерских, «чтобы избавить бедняка от жизненной зависимости от миллионеров». В ноябре 1793 г. якобинцы Гренобля потребовали национализации предприятий, закрытых хозяевами, а также того, чтобы хозяева были поставлены в качестве рядовых рабочих, на службу нации.

Почти во всех якобинских клубах фактически господствовало настроение левых.

Итак: никакой или почти никакой принципиальной идеологической разницы между якобинцами и левыми не было,

***** О коллизиях и конфликтах в Лионе в годы Великой французской революции см., напр., В.Маркова. Народное движение в Лионе:

http://vive-liberta.narod.ru/journal/mark_lion_1.pdf

http://vive-liberta.narod.ru/journal/mark_lion_2.pdf

http://vive-liberta.narod.ru/journal/mark_lion_3.pdf

все дело заключалось в различной акцентировке, обуславливавшейся различным социальным базисом. И если Парижская коммуна при руководстве левых свирепствовала в выполнении товарно-продуктового максимума и сквозь пальцы смотрела на максимум заработной платы, то при руководстве робеспьеристов она вела прямо противоположную политику. Если робеспьеристы, скрепя сердце, воспринимали максимум, объявляя его впоследствии плодом «происков Питта», а клуб Бона восторженно приветствовал декрет о всеобщем максимуме, который он считал «хорошим хотя бы уж потому, что богатые клеветают на него», то мы не можем в этой цепи фактов не видеть грани между робеспьеристами и левыми якобинцами.

Робеспьеристы отдавали классовое предпочтение крестьянам перед рабочими. В своем докладе об организации национальной благотворительности от 22 флореаля Барер говорил: «В порядке национальной благотворительности деревни должны пойти раньше городов. Деревни являются благодарными и плодовитыми кормилицами; города часто являются неблагодарными и бесплодными детьми... Мы перенесем наши утешающие взоры на этот интересный и полезный класс городских ремесленников; но предпочтение для крестьян, пастухов и деревенских ремесленников слишком справедливо, слишком неотложно, чтобы быть оспариваемо».

«Бешеные» в отличие от робеспьеристов всегда ставили на первое место рабочих. «Враги во вне и внутри, ажиотаж, скупка, обесценение денег; дворянство мантии и дворянство шпаги, буржуа скупили имущества церкви и национальные земли, они захватили торговлю, и благодаря им революция не дала беднякам и рабочим того, что они вправе были от нее ожидать», — писал Ру летом 1793 г. И еще: «Пруссаки, стоящие у наших ворот, менее опасны, чем те, которые своими монополиями, скупками и ажиотажем лишают пищи рабочих и мастеровых».

Жак Ру вновь и вновь выдвигает вопрос о недостаточности политического уравнения и политической борьбы: «Не всегда уничтожено королевство возведением короля на эшафот. Не всегда раздавлена тирания уничтожением контрреволюционной группы», — пишет он, требуя законодательной борьбы со скупкой и ажиотажем. Жак Ру изобличает всех «лицемеров, которым общественное уравнение кажется химерой... всех... эгоистов, банкиров, скупщиков, тех, кто имеет революцию в уме и контрреволюцию в сердце». Жак Ру подчеркивает, что богатые венчались с революцией по расчету, а бедные — по любви, что богатые в лучшем случае ее терпят, извлекая попутно и

временные выгоды (спекуляции), но мечтая о скорейшей ее стабилизации, бедные же заинтересованы во всемерном углублении ее.

В петиции от 25 июля Жак Ру вновь подчеркивает неудовлетворительность равенства по закону и необходимость фактического равенства.

«Свобода — пустой призрак, если один класс может безнаказанно, подвергать другой мукам голода. Равенство — пустой мираж, если богатый, пользуясь монополией, получает власть над жизнью и смертью тех, кто в правовом отношении должен быть равен ему... Или состояние мошенника в самом деле священнее, чем жизнь человека?.. Законодатель имеет право объявлять войну, т.е. объявлять приказание убивать людей. Почему же нет у него права воспрепятствовать тому, чтобы их эксплуатировали и подвергали мукам голода, и защищать их очаг?»

На местах в якобинских клубах выявлялись все наиболее революционные элементы. И подчас мы находим местные клубы, в которых весьма явственно чувствуется влияние идей эбертистов. Например, клуб Ош не принимает раньше трехлетнего срока испытания ни одного интеллигента, а санкюлоты принимают попрежнему для того, чтобы «устранить всех тех, кто мог бы опасным образом влиять на мнения». Разве это постановление не перекликается с робкой попыткой «бешеных» в революции 21 мая — 2 июня потребовать сохранения права голоса только за санкюлотами?

Клуб Монпазье (Дордонь) размежевывал санкюлотерию «на санкюлоты, рожденных, и санкюлоты, сделавшихся таковыми». В основу такого деления ставился признак социальный, а не моральный («хорошие и дурные граждане»), как это сделали весной 1794 г. робеспьеристы, захотев уравновесить классовые противоречия в лоне единой добродетельной нации. Классовые тенденции левых вызвали особое озлобление буржуазии. Нений лионский современник писал, что санкюлоты обладают «кастовым духом, напоминающим дух старого порядка, и следовательно вредным для республик».

«Кастовый дух» был духом революционного напряжения, революционной решимости. Хотя мелкая буржуазия сумела воспринять программу эбертистского дня 5 сентября, тем не менее она не без тревоги оглядывалась на своего союзника слева. Создав в Париже концентрированные предприятия по изготовлению оружия для армии, власти боятся, как бы «рабочие не попытались воспользоваться своим числом и своей силой, чтобы диктовать

свои желания».

4

Робеспьер, видевший «в великой нищете и огромных богатствах препятствие для чистой демократии», отвергавший в отличие от великого Марата в теории борьбу классов, с весны 1794 г. стал усиленно пропагандировать идею единой трудолюбивой нации, идею национальных жертв. «Есть хорошие и дурные граждане» — рабочие попадали в разряд последних во всех случаях, когда они восставали против установленного для них максимума заработной платы. «Даже правительство террора оставило неприкосновенным декрет от 14 июня 1791 г., обьявивший все рабочие коалиции преступлением против свободы и Декларации нрав человека» (Маркс).

На разрешении рабочего вопроса не могло не сказаться особое положение рабочего класса. Он был социальной силой, определявшей мощь якобинской диктатуры. У власти стоял, однако, не рабочий класс, а мелкая буржуазия в союзе с ним. К тому же мелкая буржуазия, с весны 1794 г. твердо взявшая курс на построение добродетельной республики мелких товаропроизводителей, где «богатство было бы ограничено, а бедность уважаема», разгромила рабочие организации. Ибо в ту эпоху, когда еще шла борьба с феодализмом, уравнительство было объективно революционно и, следовательно объективно революционны были и эгалитаристские тенденции якобинцев. Но рабочий порода и деревни, наиболее последовательно революционный представитель якобинской диктатуры, оказался с весны 1794 г. в неизбежном конфликте с властью.

Это положение можно проиллюстрировать хотя бы ходом дел на копиях Литри. 7 января 1794 г. возчики тачек с рудой на конях в Литри отказались спускаться в копи, так как они имели только полчетверти хлеба. По той же причине 8 марта они прекратили работу на целых 4 дня. 24 марта дистрикт обещал сам доставлять рабочим хлеб из расчета 1,5 ливров на рабочего. Но семьи рабочих дистрикт хлебом не обеспечил, и 11 мая рабочие уходят с работы в окрестности, на расстоянии 10 лье, поискать зерна для своих семей. 13 мая они на той же почве угрожают стачкой. Таким образом продовольственный максимум, бывший безусловно решительной санкюлотской мерой, обеспечившей возможность революционной борьбы тыла и фронта, не мог полностью обеспечить рабочих. Копи Литри находились в руках частной компании, работавшей под контролем якобинской диктатуры. Несмотря на все затруднения, копи при поддержке мероприятий революционной власти на втором ягуду республики сильно

увеличили свою добычу, что было необходимо для нужд военной обороны. При этом компания отнюдь не уменьшала своей прибыли. Причиной этого являлся максимум зарплаты, который предпринимателей обеспечивал полностью.

Правительство, требуя выполнения товарно-продовольственного максимума, требовало жесткого выполнения максимума зарплаты, и на этой почве весной 1794 г. рабочие города и деревни весьма громко выражали свое недовольство.

Очень важным и сконцентрированным отрядом рабочего класса в эпоху якобинской диктатуры были рабочие энергично создаваемой военной промышленности.

На военных предприятиях царил жесткая дисциплина. Рабочие не имели права не только уходить на частные предприятия, но и переходить из одного государственного предприятия на другое. Однако никакого установленного социального страхования не было. Поэтому благоустройство рабочих зависело от местных условий. Представитель Конвента монтаньяр Ром сам обещал сохранение полной зарплаты за всеми заболевшими или ранеными на производстве.

Но законодательства по охране труда не было. Якобинская диктатура считала принципиально необходимым заботиться о законодательной помощи крестьянам в первую очередь.

3 марта 1794 г. Барер жалуется, что рабочие площади Неделимости были 3 дня «в состоянии инсуррекции». Произведено 2 ареста, но необходимы дальнейшие мероприятия, ибо есть основания подозревать происки эбертистов. 27 марта рабочие оружейных мастерских в монастыре капуцинов отказываются работать, как раньше, от 4 утра до 8 вечера и жалуются Конвенту, что администрация «хочет практиковать над ними тиранию и несправедливость». К концу июня и началу июля усиливается рабочее движение.

Военные власти докладывают 24 мессидора о происходящих на предприятиях волынках с требованием повышения зарплаты, хотя... «рабочие может быть одни не испытывают тех затруднений, которые испытывают другие классы граждан... Они, которые под властью тирании довольствовались заработком скромным и едва ли достаточным, жалуются сегодня с высокомерием, которое обнаруживает опасную коалицию»... Самое время «обуздать это неповиновение, являющееся предвестником близкого восстания».

Якобинская деревня весной 1794 г. также была охвачена движением сельскохозяйственных рабочих. Движение сельскохозяйственных рабочих против мобилизации рабочей силы и максимум зарплаты, естественно, тесным образом увязывалось

со всей гражданской войной в деревне.

Классовая борьба в якобинской деревне дает нагляднейшие уроки правильности большевистских положений о взаимоотношении с различными группами крестьянства. Великая французская революция была буржуазной революцией ранней эпохи. Крестьянство благодаря якобинской диктатуре получило землю. Внутри деревни происходит расслоение крестьянства. Но основная масса крестьянства по-прежнему оставалась активной, движущей силой революции.

Во время осады Лиона 20 сентября 1793 г. представитель Конвента Шатонейф-Рондон сообщает, что с тех пор, как поднялись все жители окружающих город деревень, составила «великолепная армия из 30 тысяч человек», благодаря чему удалось «забить все торы и ущелья таким образом, чтобы помешать большому оттоку мюскаденов во внутрь страны и прекратить доставку снабжения в Лион, очень большую часть которого мы задержали, а также прервать сообщение с Лионом».

Отметим попутно, что навстречу энтузиазму крестьян, осаждавших предавшийся контрреволюции Лион, шел энтузиазм рабочих. Лионские рабочие были активнейшими лазутчиками осаждавшей город революционной армии.

То, что крестьянство получило в начале якобинской диктатуры землю, отнюдь не отшатнуло основные массы крестьянства, а привязало их к революции. Крестьянская армия одерживает победу за победой во внутренней и внешней контрреволюции. Но кулак, как правило, становится по ту сторону баррикады.

Представитель Конвента пишет из Сент-Этьена, что призыв августа 1793 г. переполнил оружейные предприятия «большим числом молодых буржуа и зажиточных крестьян, которых защита границ мало одушевляла».

Пользуясь отсутствием организованного движения бедноты, кулачество подчас переманивает на свою сторону середняка в деле сопротивления реквизициям зерна и товарно-продуктовому максимуму^{*****}. Кулачество организует саботаж хлебосдачи,

***** «Максимум» - фиксированная цена на некоторые товары, превышать которую продавцу запрещено. «Максимум» на товары сопровождался «максимум» заработной платы для наемных рабочих.

См.: Р.Тонкова-Яковкина. Борьба течений внутри якобинского блока по вопросу максимума и революционного террора (<http://vive-liberta.narod.ru/journal/tonkova.pdf>); А.Собуль. Проблемы труда во II году Республики. Максимум заработной платы в Париже и события 9 термидора (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/soboul_therm.pdf); Е.Киселева. Политика якобинской диктатуры в области регламентации

зачастую привлекая к этому широкие слои деревни. Применяются и активные меры вредительства: хлеб сдается, но в испорченном виде. Иногда дело доходит до открытого восстания. При этом надо помнить, что большинством муниципалитетов заправляли представители зажиточного крестьянства.

Саботаж максимума многими местными администраторами очень ярко выразил мэр Понт-Сент-Массань, сказав: «Когда нам из Парижа пришлют сахар, тогда мы еще посмотрим, переправим ли мы им наши яйца и наше масло».

В Северном департаменте пришлось арестовать 23 мэра коммун, чтобы добиться вывоза хлеба.

Иногда представители Конвента, особенно левые, вели политику поощрения деревенской бедноты и опоры на нее в проведении революции в деревне, но определенной партии, которая занималась бы активизацией и организацией бедноты и объединением вокруг нее середняка, не было.

В деревнях, в тех случаях, когда у власти стояли неимущие, строго следили за соблюдением максимума, возлагая ответственность за нарушение его на богатых продавцов, этих присвоителей «преступной и скандальной наживы», а не на неимущих покупателей. Но если в отношении товарно-продуктового максимума центральная власть постоянно нажимала на места, заставляя их повиноваться, ломая местное сопротивление, то в отношении рабочей политики места охотно проводили центральное законодательство, ограничивавшее права рабочих.

7 мая 1794 г. представитель Конвента в Шаренте издал постановление, в силу которого все «бездельники и праздные люди», т.е. все жители моложе 50 лет, за исключением больных и «регулярно занятых какой-либо полезной профессией», объявлялись «под реквизицией». Нуждающийся в рабочей силе землевладелец мог получить наряд на любого из них. Работать мобилизованный должен был так же.

В Блиньи рабочие объединились и отказались работать по таксе. Работы продолжались только у хозяев, соглашавшихся на повышение Зарплаты. В одном месте национальный агент арестовал двух зачинщиков забастовки, после чего все остальные рабочие покинули работу. Национальная гвардия большей частью стояла на стороне рабочих, ибо состояла из широких кругов менее имущего крестьянства. Поэтому ее нельзя было пускать в ход для

торговли и промышленности весной-летом 1794 года (http://vive-liberta.narod.ru/journal/kiseleva_max.pdf).

усмирения.

В Барбери дистрикта Сенлис жнецы объединились. Посланному арбитру один рабочий ответил, что лучше было бы ему оставаться там, где он был, и что он теперь хорошо видит, «что не жнецы господствуют в директории дистрикта». Заявивший это работал у крестьянина, бывшего членом совета дистрикта.

В некоторых коммунах муниципальные чиновники являлись выходцами из сельскохозяйственных рабочих и бедноты. Нередко они сами покрывали преследуемых рабочих (например, коммуна Рарей покровительствовала бастовавшим жнецам). Но такие случаи представляли собой редчайшие исключения. Как правило, местные власти рьяно выполняют законы центра о мобилизации и таксации рабочей силы. В мае 1794 г. дистрикт Мюре даже запретил рабочим обсуждать трудовое законодательство. Петиция сельскохозяйственных рабочих Лэньи-Лесек говорит: «Богатый рассматривает бедного, как собаку, перебегающую через дорогу».

Таким образом весной 1794 г. рабочие города и деревни, эта наиболее решительная часть якобинской диктатуры, оказались в конфликте с руководящей фракцией якобинской диктатуры — робеспьеристами. Революционная мелкая буржуазия в самое героическое время оказалась штабом революции. Но комиссарами этого штаба были рабочие и отчасти деревенская беднота, хотя и менее подготовленные к руководству, но глубоко преданные революции. Они были наиболее зоркими глазами якобинской диктатуры. Но так как на повестке дня истории могла стать лишь буржуазная революция, то весь героический порыв якобинской диктатуры мог служить только задачам этой революции. Между тем сознание носителей диктатуры находилось в некотором разрыве с объективной обстановкой и объективными задачами истории. Впервые в истории массы «низов мелкой буржуазии и пролетариата» оказались у власти. Понять объективную несамостоятельность своей героической роли они не могли, и тогда каждый по-своему, каждый на своих особых путях стал сознать перспективы, к которым он стремился. Тогда выявлялась программа якобинцев с «ильными эгалитаристическими тенденциями, программа, полная утопиизма и проникнутая сильнейшим национализмом. Будучи субъективно реакционной, она пока что практически играла революционную роль, ибо вопреки замыслу авторов не только не могла наложить узду на капиталистическое развитие, но, служа наилучшей расправе с феодализмом, подготавливала почву для наибольшего расцвета капитализма.

«Только при Директории со всей силой вырвалась наружу

жизнь буржуазного общества» (Маркс). Буржуазному обществу, утвержденному героическим порывом миллионов, настолько не терпелось с реализацией победы над феодализмом, что жажда наживы оказалась сильнее боязни гильотины. Известно, что якобинцы с ужасом и удивлением останавливались перед невозможностью победить процессы спекулятивного накопления. Непонимание разрыва между субъективными устремлениями и объективными возможностями заставляло их удивляться стоголовости той все возникавшей гидры, головы которой они ежедневно подрубали ножом гильотины.

Программа якобинцев, программа построения добродетельной республики на эгалитаристических началах, была мечтой о «чистой демократии», мечтой о том, что фигура мелкого буржуа может уподобиться неразмываемой морским прибоем скале, о которую должны разбиваться все волны классовой борьбы. Поскольку фигура мелкого буржуа должна была стать молом гавани мелкобуржуазной республики, постольку штиль был объявлен законом ее.

Решив уравновесить классы единой нации фигурой мелкого собственника, робеспьеристы неизбежно должны были вступить в конфликт с теми группами, которые являлись живым, ежедневным подтверждением реально существовавшей классовой борьбы. Вот почему Маркс говорит, что (и это одно из чрезвычайно важных и обычно мало учитываемых указаний Маркса) «фанатизм религии Робеспьера служил лишь опорой его фанатизму национальности»^{*****}. В единой, охраняемой «высшим существом», нации не может быть социально плохих купцов; а могут быть только хорошие и плохие купцы, как не могут быть социально хорошие рабочие, а могут быть только плохие и хорошие рабочие. При этом в разряд плохих рабочих, естественно, попадали наиболее сознательные.

Но вот оказывается, что и «хорошие» купцы тоже не по вкусу рабочим. Эбер заявляет, что он благоволит мелкому лавочнику не больше, чем крупному купцу, и что он видит в их лице единый фронт, наступающий против малоимущего потребителя, т.е. против рабочего. Не должно ли это было казаться Робеспьеру

***** Речь идет о культе Верховного существа, разработанном М.Робеспьером, и попытке ввести этот культ на государственном уровне. См., напр., А.Олар. Культ Разума и Верховного существа во время Великой французской революции. Пер. с франц.: <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p71004703.htm>; документы, очерк и дискуссия: <http://vive-liberta.narod.ru/discuss/SE.htm>

святотатственным покушением на умиротворяющие заветы «верховного существа», могло ли это не показаться ему прямым ударом по его идее национальности? Конфликт на этой почве был неизбежен, и, как известно, он разразился, ослабив силу сопротивления якобинской диктатуры сколачивавшейся термидорианской группировке. «Весьма характерно для Робеспьера, что в то время, когда «конституционность» в духе собрания 1789 г. считалась преступлением, достойным гильотины, все законы этого собрания против рабочих продолжают сохранять свою силу» (Маркс).

Антирабочая политика робеспьеристов весны 1794 г. была лишь логическим выводом из их попытки продумать свою программу. Только желание найти подтверждения своим чаяниям сегодняшнего дня в истории привело контрреволюционный троцкизм к разговорам о перерождении, якобы постигнувшем мелкобуржуазную диктатуру конца XVIII в., чтобы оклеветать пролетарскую диктатуру XX в.

Если у мелкой буржуазии была хоть и утопичная, хоть и стоявшая в противоречии с объективной действительностью и со своей собственной объективной ролью программа, то у пролетариата не могло быть сколько-нибудь ясного противопоставления себя буржуазии. Однако практика революционного строительства стихийно выдвигала зародыш мысли о перерастании, о перманентности революции. Не только вожди рабочих, но даже оппортунист Дантон, тонко улавливавший настроения, высказывал мысли о необходимости вслед за совершением вместе с богатыми революции против дворянства приступить к революции против богатых. Неоднократно об этом говорит великий революционер Марат^{*****}. «Законы, — указывал он, — обладают силой лишь до тех пор, пока народы согласны подчиняться. И если они сбросили ярмо дворянства, то могут сбросить и то иго, под которым их держит богатство... *Беднота может обратиться к началам свободы и равенства, чтобы положить конец привилегиям и грабительству богатых: точно так же, как к этим началам обратилось третье сословие, уничтожая привилегии дворян*» (разрядка моя. — С.Л.).

Отнюдь неслучайной обмолвкой является следующий отзыв Энгельса о Марате: «Я увидел, что мы бессознательно подражали во многих отношениях великому образцу подлинного (не

фальсифицированного роялистами) Друга народа и что все яростные вопли и вся фальсификация истории, искажившая на целых 100 лет истинный облик Марата, объясняются тем, что он безжалостно совлекал покрывало с тогдашних кумиров — Лафайета, Бальи и др., разоблачая в них уже готовых изменников революции, и тем еще, что, подобно нам, он не считал революцию завершённой, а хотел «делать ее перманентной».

Вожди рабочего класса, не имея еще своей программы, однако всегда были проникнуты верой в будущее.

Оставленный как будто всеми, атакованный самим Маратом, Жак Ру^{*****}, отвечая на нападки Марата, одновременно объявляет об издании им республиканского альманаха «на 1794 год, 3-й год республики». В начале 1794 г. не стало Ру, и на месте республики санкюлотской утвердилась республика буржуазная. Но все руководители рабочего класса всегда подчеркивали свою революционную решимость независимо от складывавшихся обстоятельств, свою надежду на победу будущих поколений. Этим различием объясняется усталая инертность робеспьеристов во всех случаях, когда они были разъединены с рабочими массами.

8 термидора Робеспьер, указав на то, что его хотят лишиться жизни, говорил в Конвенте: «Я уступлю ее им без сожаления. Я имею опыт прошлого, и я вижу будущее. Какой друг родины может хотеть живым вступить в тот период, когда более не позволено будет ей служить и защищать угнетенную невинность»... А Марат в самые глухие времена реакции уходил в подполье, и оттуда раздавался его голос, голос учителя в борьбе и пророка побед. В эпоху «комиссии двенадцати» Марат откровенно заявил Конвенту: «...я не совершу такой глупости, чтобы отдать себя в руки бешеных своих врагов» и ушел в подполье.

На данной стадии развития диктатура «самого угнетенного класса» могла осуществиться только как диктатура мелкой буржуазии и рабочего класса. Союз этот стал самой героической и самой поучительной главой в истории Великой революции. Ленин, находившийся в борьбе русской Горы и Жиронды всегда на самой вершине Горы, всегда, подчеркивал значение революционных уроков якобинизма Великой французской революции^{*****}. Однако Ленин всегда вслед за Марксом подчеркивал глубокое различие условий XVIII и XX вв., абсолютнейшую реакционность го-

***** Жан Поль МАРАТ, см. его выступления, переписку, и материалы о нем: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#marat>

***** Жак РУ: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#JR>

***** Относительно этой исторической аналогии см. Т.Кондратьева. Большевики-якобинцы и призрак Термидора: http://vive-liberta.narod.ru/biblio/therm_condr.htm

лого перенесения лозунгов Великой революции в практику рабочего движения XX в. Ленин всегда подчеркивал в якобинцах их революционную действенность, но никогда не забывал, что они были мелкобуржуазными революционерами XVIII в. Поэтому он говорил, что «якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата, *сознавшего* свои классовые интересы, это и есть *революционный социал-демократ*. Жирондист, тоскующий о профессорах, гимназистах, боящихся диктатуры пролетариата, вздыхающий об абсолютной ценности демократических требований, это и есть оппортунист».

Однако коллизия между неоднородными носителями якобинской диктатуры на известном этапе привела к ограничению активности масс. Достаточно упомянуть о разгоне парижских секционных обществ, которые особенно размножились после отменившего перманентность секционных собраний закона 9 сентября и которые теперь стали неприятным напоминанием об эбертистском хозяйничании в столице. И все же якобинство было самым народным, самым революционным правлением эпохи досозревания пролетариата. Недаром Маркс говорит о «плебейском способе» расправы якобинской диктатуры с врагами буржуазии.

Робеспьеристы сумели на самое горячее время революции, если не в теории, то на практике, отречься от фетиша парламентаризма.

Широкая база якобинской диктатуры зиждилась на самодеятельности масс, организованных в клубы и секции муниципалитетов. Клубы уже имели свою историю и отнюдь не были безучастны к происходившей классовой борьбе. По мере того, как крепла классовая борьба, обострялась борьба в клубах, росла их бдительность.

В период решительной борьбы с жирондистами усилились чистки якобинских клубов, ибо многие народные общества были «народными только по имени», как писал представитель Конвента из Тулузы, и были наводнены обывательским элементом — «колпаками из новой материи», как их называл Лебон^{*****}. В результате в эпоху якобинской диктатуры после многочисленных чисток, которые Малларме называл «общественной рвотой», якобинские клубы стали значительно более санкюлотскими. Но все же в них рабочие не преобладали (клуб коммуны Кюньо — департамент Верхняя Гаронна, в котором на 49 членов

приходилось 33 с.-х. рабочих, и лишь 1 торговец составлял не правило, а скорее исключение).

Якобинские клубы были очагами общественного метения, конденсаторами революционной энергии. Не было той существенной отрасли революционной деятельности, в практике которой они ни принимали бы участия руководством и примером. Клуб Туль исключает из своей среды всякого нарушителя максимума. Клуб якобинцев в Безансоне предлагал, чтобы городские торговцы имели право продавать деревенским жителям товары только в тех случаях, когда последние смогут доказать, что привезли в город продукты сельского хозяйства.

Клуб Нанси предлагает Конвенту национализировать снабжение хлебом и мясом, превратив булочников и мясников из торговцев в рабочих, распределяющих среди граждан то, что они получили.

Клубы принимают самое всестороннее участие в организации революционной обороны. Клуб Бордо посылает 24 комиссара по деревням для разъяснительной и пропагандистской работы по набору. В Лярошель весной 1793 г. всякий член клуба один рабочий день недели отдавал на работы по укреплению города. В Каркассоне клуб назначает делегатов для наблюдения над военным госпиталем. Клубы принимают деятельное участие в гражданском революционном воспитании солдат.

Армия, которая несла освобождение в завоеванные страны, должна была составлять единое целое с революционным народом. Представитель Конвента Изоре с горечью жалуется на клуб Дуэ: «В этой стране взяли за правило говорить, что народные общества должны быть составлены из граждан, а не из военных, как будто военные не являются гражданами».

Одна из парижских секций — секция инвалидов, узнав о непатриотическом поведении батальона, в формировании которого она участвовала, посылает в батальон специальных депутатов, которые, вернувшись, докладывают (24/1-1794 г.), что отряды, сформированные секцией, оказались ни в чем неповинными и вполне благонадежными. «Собрание, — говорит протокол, — того и ожидало от своих детей и покрыло доклад аплодисментами».

Комитет общественного спасения, поручая депутатам в командировке чистку революционного аппарата, рекомендует им в этом деле опереться «а клубы. Те же клубы приглашают заниматься «выдвиженчеством» в революционный административный аппарат. Комитет общественного спасения поручает клубам наблюдать за проведением отдельных декретов, приглашает их сообщать в центр о всяких непорядках. Так, 13

***** Жозеф ЛЕБОН: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#j-lebon>

сентября 1793 г. народным обществам предлагается составить списки «подозрительных» в армии и направить их Комитету общественного спасения. Все массовые политические кампании правительство проводило при теснейшем участии клубов. При казни жирондистов Комитет общественного спасения отпечатал обвинительный акт в 505 тысячах экземпляров и разослал его муниципалитетам и народным обществам.

Однако диктатура якобинцев была революционной диктатурой мелкой буржуазии и тогдашнего пролетариата города и деревни, причем руководство в основном находилось в руках мелкой буржуазии. Рабочего класса как «самостоятельного класса» не было. Следовательно, тогда не могло быть рабочей партии. Величие революционной диктатуры состояло в том, что она фактически преодолела парламентский фетишизм, но нельзя забывать, что, давая великолепные образцы революционной практики, якобинцы вместе с тем в теории не преодолели мелкобуржуазного преклонения перед легальностью, перед «суверенитетом» верховного собрания. Эта раз'единенность теории и практики не могла не сказаться на всем строе мелкобуржуазной диктатуры. И в этом выразилось отсутствие пролетариата как политически самостоятельного класса.

Коллизии и противоречия внутри самой якобинской диктатуры были неизбежны. Но буржуазия была в конечном счете тем классом, который должен был по объективным условиям эпохи стать гегемоном революции. В ходе классовой борьбы, в размахе революции буржуазия была лишь на время отодвинута в сторону «диктатурой самого угнетенного класса» (Ленин). Постановка вопроса о буржуазии как общем руководителе революции, о пролетариате, еще не ставшем «самостоятельным классом», и мелкой буржуазии, еще не приобретшей «отдельные интересы», не случайно дана Марксом в одной сжатой и яркой формулировке. В обеих революциях (Великой английской и Великой французской. — С.Л.) буржуазия была тем классом, который действительно стоял во главе движения. Пролетариат и не принадлежавшие к буржуазии слои городского населения либо еще не имели никаких отдельных от буржуазии интересов, либо еще не составляли самостоятельного развитого класса или части класса. Поэтому там, где они выступали против буржуазии, например в 1793 и 1794 гг. во Франции, они боролись только за осуществление интересов буржуазии, хотя и не на буржуазный манер. Весь французский терроризм представлял не что иное, как плебейскую манеру расправы с врагами буржуазии — абсолютизмом и филистерством» (Маркс и Фр.Энгельс в эпоху немецкой революции. 1848—1850,

Гиз, 1926 г., стр.221—222). По условиям эпохи буржуазия была единственным классом для себя и поэтому стояла во главе исторического движения. В силу тех же исторических условий пролетариат еще не мог составить «самостоятельного класса» и мелкая буржуазия еще не могла со всей силой выявить «отдельные от буржуазии интересы». В связи с марксовой постановкой этого вопроса нельзя не обратить внимания на указание т.Сталина о роли данной расстановки сил для крестьянского вопроса, т.е. о том, что в результате такого характера буржуазной революции крестьянство на Западе не оказалось обязанным пролетариату за землю, как это произошло в России, что отнюдь конечно не меняет, а в известном смысле даже усиливает значение марксистско-ленинского положения о союзниках пролетариата. Перед революцией французская буржуазия, идеологически возглавлявшая третье сословие, чувствовала себя призванной обновить общество. «Лишь во имя прав всего общества отдельный класс может требовать себе всеобщего господства» (Маркс). И пафосом обновителей мира звучат сказанные по поводу Конституции слова «льва революции» Мирабо: «Мы начинаем историю человечества».

Первой печальной ноткой разочарования раздается голос мечтательного дантониста Демулена: «Я мечтал о республике, которую обожали бы все». Между тем Великая революция, во главе которой объективно стояла буржуазия, но которая была конкретно завершена в борьбе с буржуазией и вопреки ей, стала действительным наглядным уроком по вопросам классовой борьбы. В ходе ее нарождающийся рабочий класс обрел первых достойных себя представителей. Один из них, выражая радостный пафос класса, которому принадлежит будущее, оказал: «Пусть головы наши падут от пуль убийц, это нам неважно, но пусть наши потомки начертят на наших черепах: этот пример достоин подражания» (Шометт).

Мировой пролетариат имеет свою историю. Шометт действовал в самом начале ее, в Великую французскую революцию, когда, еще не будучи классом для себя, рабочий впервые пришел к власти. Он не был еще пролетарием в современном смысле слова, его юношеским псевдонимом был санкюлот. В 1848 г. знамя марксизма еще не стало знаменем пролетариата, хотя программный привет марксизма — лозунг «пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — уже горел в крови июньских инсургентов. Парижская коммуна прорепетировала диктатуру пролетариата. Октябрьская революция ввела ее в обиход истории.

Восхищаясь образцами революционной действенности якобинцев, Ленин соглашался с Шометтом, что «этот пример достоин подражания». Однако он всегда подчеркивал, что единственным наследником действительно революционных традиций якобинства XVIII в. является пролетариат.

«Якобинство в Европе или на границе Европы и Азии в XX веке, — писал Ленин, — было бы господством революционного класса пролетариата, который, поддержанный беднейшим крестьянством и опираясь на наличность материальных основ для движения к социализму, мог бы не только дать все то великое, неискоренимое, незабываемое, что дали якобинцы XVIII в., но и повести во всемирном масштабе к прочной победе трудящихся».